

К. Н. Лемешев

**ТРАКТАТ НИКОЛЯ КОССЕНА “DE ELOQUENTIA
SACRA ET HUMANA” В ИЗДАНИИ 1626 г.
ИЗ МУЗЕЯ М. В. ЛОМОНОСОВА
(предварительные замечания)***

История библиотеки Ломоносова, по верному замечанию И. Н. Лебедевой, началась еще до того, как она была обнаружена¹. В истории этой было все, что должно быть в романе и что всегда бывает в настоящем научном поиске: таинственное исчезновение, скрупулезное расследование, временные неудачи и разочарования, самоотверженная, подвижническая работа и, наконец, счастливое возвращение того, что казалось навсегда утраченным. Все этапы этого долгого, растянувшегося более чем на двести лет пути — вплоть до возвращения выявленной части (более 50 единиц хранения) ломоносовского книжного собрания из Хельсинкской университетской библиотеки в Библиотеку Российской академии наук, где они хранятся по сей день, — изложены в уже упоминавшемся прекрасном очерке И. Н. Лебедевой. Мы же, переходя к предмету нашей статьи, заметим, что была на этом пути своя Ариаднина нить, которая в конце концов и привела исследователей к ломоносовскому книжному собранию. Мы имеем в виду записи и пометы,

---

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ. Проект «Краткое руководство к красноречию» М. В. Ломоносова: творческая история, источники, текст» № 15-04-00551.

¹ *Лебедева И. Н.* Об истории личной библиотеки М. В. Ломоносова // Библиотека М. В. Ломоносова: научное описание рукописей и печатных книг. М., 2010. С. 13.

оставленные Ломоносовым на страницах многих изданий, которыми он пользовался. Библиотека ученого была его творческой лабораторией, тем пространством, где формировались его идеи. Тайны творческого процесса скрыты от глаз, но пульсация мысли отражалась на полях страниц и свободных листов в заметках, условных знаках, эмоциональных оценках, которые, являясь, с одной стороны, личным высказыванием, становились вместе с тем и своеобразным рабочим материалом — как для их автора, так и для последующих исследователей его творчества.

После того как было установлено место хранения этой книжной коллекции, на этапе выявления ломоносовских книг из состава фонда, в котором она находилась в Хельсинкской университетской библиотеке, решающую роль играли пометы, оставленные Ломоносовым на книгах. Именно они помогали определить принадлежность того или иного кодекса Ломоносову. После передачи выявленных книг в дар Академии наук СССР можно было приступить к их подробному описанию. Такое описание было подготовлено и издано в 2010 г. к 300-летию со дня рождения М. В. Ломоносова сотрудниками Библиотеки Российской академии наук при участии их финских коллег из Национальной библиотеки Финляндии (до 2006 г. — Библиотека Хельсинкского университета)². Впервые появилось научное издание, в котором на современном уровне высококвалифицированными специалистами-книговедами из отдела редкой книги и отдела рукописей БАН каждый кодекс, каждая рукопись, входящие в коллекцию, были тщательно изучены и подробнейшим образом описаны. Важной частью описания в этом издании являются сведения о пометах и записях Ломоносова: тексты записей воспроизводятся, а пометы детально описываются.

Все эти кодексы и манускрипты поистине бесценны, однако некоторые выделяются своей особой судьбой и могут стать объектом отдельного исследования. Именно такой книгой является трактат Николая Коссена «О риторике духовной и светской» в кельнском издании 1626 г.³

---

² Библиотека М. В. Ломоносова: научное описание рукописей и печатных книг. М., 2010.

³ *Caussin Nicolas. Nicolai Caussini Trecensis e Societate Jesu, De eloquentia sacra et humana libri XVI. Editio secunda, non ignobili accessione locupletata. Coloniae Agrippinae, Sumptibus Bernardi Gualteri. Anno 1626.* Николая Коссен (1583–1651) — французский проповедник и ритор, монах-иезуит; преподавал риторику в Париже и других городах. Непродолжительное время в 1637 г. был исповедником Людовика XIII, затем подвергся опале. Первое издание “*De eloquentia sacra et humana*” вышло в 1619 г. в Париже. Описание ломоносовского экземпляра и краткие сведения об авторе см.: Библиотека М. В. Ломоносова... С. 108–112.

Это одна из первых книг, приобретенных Ломоносовым для научной филологической работы, и вторая книга Ломоносова (после «Нового и краткого способа к сложению российских стихов» Василия Тредиаковского), ставшая известной исследователям. Большое количество разнообразных помет, маргиналии на латинском языке, владельческие записи и даже почти детективные истории, начертанные на ее страницах, — все это, не умаляя достоинства других изданий, превращает «Риторику духовную и светскую» в жемчужину книжного собрания Музея Ломоносова и драгоценнейшего свидетеля событий далекого времени. В 1948 г. она поступила в Музей М. В. Ломоносова (являющийся ныне базой для отдела истории Кунсткамеры и российской науки XVIII в. Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамеры) РАН) и хранится в нем по сей день.

Трактат Коссена Ломоносов приобрел в Германии. Уже один факт этой покупки свидетельствует о серьезности намерений Ломоносова-филолога в самом начале его научного пути. Однако путь этот был, как мы знаем, тернист; непрост он был и для многостраничного фолианта, делившего со своим владельцем и читателем все превратности его судьбы. Первое упоминание о книге мы встречаем в письме к Д. И. Виноградову от 7 (18) апреля 1741 г., содержащем просьбу о возвращении трех книг: «Nicolai Causini Rhetoricam, Petri Petraei Historiam России и Гюнтера»⁴. В связи с данным документом можно поставить вопрос о том, когда именно Ломоносов мог приобрести книгу. До нас дошел список книг, купленных Ломоносовым в Марбурге, составленный не позднее октября 1738 г. Риторики Коссена в нем нет. Г. М. Коровин, анализируя «марбургский» список, пишет, что он «не исчерпывает всего перечня книг, прочитанных Ломоносовым в этот период», и что в него не попали «некоторые книги из числа пособий, рекомендованных русским студентам петербургскими академиками в обстоятельной инструкции, посланной в Марбург 30 августа 1737 г.»⁵. Исходя из этого Г. М. Коровин высказывает предположение, что «книжные приобретения делались Ломоносовым и в дальнейшем, в течение всего первого периода его пребывания в Марбурге». Ухудшение материального обеспечения русских студентов после их переезда во Фрайберг (20 июля

⁴ Ломоносов М. В. Полн. собр. соч. Т. 10: Служебные документы. Письма. 1734–1765 гг. М.; Л., 1957. С. 433.

⁵ Коровин Г. М. Библиотека Ломоносова. Материалы для характеристики литературы, использованной Ломоносовым в его трудах, и каталог его личной библиотеки. М.; Л., 1961. С. 11.

1739 г.) сделало практически невозможным приобретение новых книг⁶. Материальные и иного рода трудности у Ломоносова сохранялись вплоть до самого отъезда из Германии, и поэтому наиболее вероятным является предположение о том, что книга была куплена между октябрём 1738 г. и июлем 1739 г.

Ни в последующих письмах, ни в бумагах Ломоносова больше нет никаких упоминаний о «Риторике» Коссена, но, вероятно, просьба его была выполнена Виноградовым: книга вернулась владельцу и вместе с ним отправилась в Россию. На обороте форзаца книги имеется запись: «Книга эта приобретена в 1789 году из библиотеки Ломоносова с собственноручною его подписью С. Сцепенским. Товарищ Сцепенского по Академии, бывший после граф Сперанский, просил его эту книгу уступить ему. Сцепенский не согласился, и Сперанский вдруг схватил перо и замарал подпись Ломоносова, чтобы она не служила поводом к неудовольствию двух товарищей-академиков, которые назывались тогда — друзьями»⁷. Если фигура Сперанского хорошо известна, то о другом участнике этой сцены, владельце книги С. Сцепенском, известно не очень много. Краткие биографические сведения находим в «Истории Воронежской духовной семинарии» П. Никольского и «Указателе храмовых празднеств в Воронежской епархии»⁸.

Семен Афанасьевич Сцепенский (1767 или 1768–1830) был родом из села Тернового (Землянского уезда) Воронежской губернии, сыном

⁶ Коровин Г. М. Библиотека Ломоносова... С. 11.

⁷ Текст записи воспроизведен в «Библиотеке М. В. Ломоносова» (М., 2010. С. 109), здесь мы приводим ее в современной орфографии. Упоминаемый в записи Сперанский — М. М. Сперанский, известный впоследствии реформатор и государственный деятель, учившийся в Санкт-Петербургской духовной семинарии с 1789 по 1794 г. «Академия» — Санкт-Петербургская духовная академия (в 1788–1797 гг. Главная семинария, в 1797–1809 гг. Александрово-Невская академия, впоследствии — Санкт-Петербургская духовная академия). Следует учесть, что, как установило оптико-фотографическое исследование, основной аргумент, позволяющий считать книгу ломоносовской, — его якобы зачеркнутая владельческая запись — на титульном листе отсутствует (под зачеркнутым словом читается “N. Sigmund”); экземпляр МАЭ РАН отнесен к библиотеке Ломоносова на основании процитированного письма Д. И. Виноградову. См.: Кулябко Е. С., Бещенковский Е. Б. Судьба библиотеки и архива М. В. Ломоносова. Л., 1975. С. 53, 66; С. 9–10 вклейки.

⁸ Никольский П. В. История Воронежской духовной семинарии. Воронеж, 1898. Ч. 1; Указатель храмовых празднеств в Воронежской епархии. Воронеж: Тип. В. И. Исаева, 1884–1886. Вып. 3. 1885.

священника Афанасия Авраамова. Обучался в Воронежской духовной семинарии, а затем, с 1788 по 1792 г., в Санкт-Петербургской Александро-Невской семинарии. 5 сентября 1792 г. по возвращении в Воронеж определен учителем поэзии и истории в Воронежскую духовную семинарию, а в 1793 г. становится преподавателем риторики и занимает эту должность вплоть до 1799 г. В 1797 г. Сцепенский заявил свое желание занять место протоиерея в Острогожске без отрыва от преподавательской деятельности. Резолюция епископа Воронежского Мефодия (Смирнова) была положительной, однако из-за промедления со вступлением в брак Сцепенский чуть было не потерял протоиерейское место. Кончилось все благополучно, Сцепенский женился и 12 декабря 1798 г. был произведен в сан протоиерея Острогожского собора, а 3 июля 1799 г. по собственному прошению «уволен от преподавательской должности в семинарии»⁹. Был ли Коссен в это время рядом со Сцепенским? Совершил ли и латинский трактат о духовной и светской риторике путешествие по маршруту Кельн–Марбург–Санкт-Петербург–Воронеж–Острогожск, объединяя культурное пространство Европы? Или же настойчивый друг Сцепенского и будущий государственный деятель нашел убедительные аргументы и «преклонил» своего товарища по Академии «к своему мнению»¹⁰?

В процитированной выше записи на титульном листе ничего не говорится об исходе спора, все заканчивается не очень деликатным замазыванием подписи Ломоносова. Впрочем, запись дает материал для филологической интерпретации этой истории. Несмотря на небольшой объем текста, можно заметить, как к концу меняется его манера: на смену нарративности, сближающей его с историческим анекдотом, приходит лиричность (что в целом, конечно же, производит впечатление осознанной и продуманной литературности). Действительно, яркая кульминация динамического повествования («Сперанский вдруг схватил перо и замарал подпись Ломоносова») разрешается в интонационной и смысловой каденции («чтобы она не служила поводом к не-

⁹ Указатель храмовых празднеств... С. 193–194; *Никольский П. В.* История Воронежской духовной семинарии... С. 135.

¹⁰ Напомним, что «красноречие есть искусство о всякой данной материи красно говорить и тем преклонять других к своему об оной мнению» (*Ломоносов М. В.* Краткое руководство к красноречию. Книга первая, в которой содержится риторика, показывающая общие правила обоего красноречия, то есть оратории и поэзии, сочиненная в пользу любящих словесных науки // *Ломоносов М. В.* Полн. собр. соч. Т. 7: Труды по филологии. 1739–1758 гг. М.; Л., 1952. С. 91).

удовольствию двух товарищей-академиков, *которые назывались тогда — друзьями*» (курсив мой. — К. Л.). Упоминание о дружеских отношениях, интонационное тире, создающее эмфатическую, смысло-выделительную паузу перед последним словом, — все это придает концовке текста эмоциональную, стилистическую окраску. Возникает даже впечатление некоего намека на продолжение-антитезу: «...но которые не сохранили своей дружбы (да и была ли она?)». Выстроить такой текст и подвести к такому финалу мог кто-то из людей знающих и сведущих, зафиксировав устное предание. По верному наблюдению А. А. Костина, сам Сцепенский не мог быть автором записи, поскольку умер в 1830 г., до того как Сперанский стал графом (в 1839 г.), а в записи Сперанский назван именно графом, причем «бывшим», что является дополнительным уточнением, значимым для истории книги: запись скорее всего была сделана после смерти Сперанского (в том же 1839 г.). Итак, ни один из участников той самой «сцены с книгой» не мог быть автором записи, однако источником этих сведений мог быть каждый из них. Личная интонация последних слов в сопоставлении с тем, что нам известно о судьбе обоих участников описанной сцены, указывает, что, скорее всего, это Сцепенский. Впрочем, все это лишь догадки. Нет ли в самой книге дополнительного материала, который мог бы прояснить ее историю? Он есть, и это снова записи на форзаце и нескольких листах, дарственные или владельческие. Их не очень много, и в «Библиотеке М. В. Ломоносова» они описаны как «инициалы предыдущего владельца книги»: “DS”, “Dari Sle”, “Slepen”, “Sle”¹¹.

Отметим, что все эти инициалы 1) представляют собой варианты (сделанные с разной степенью сокращения) формы записи одних и тех же слов; 2) написаны одинаковым характерным почерком: крупные широкие буквы с крупными петлями. Мы могли бы предложить небольшое уточнение расшифровки: оно касается буквы, следующей после прописного латинского “S”. По нашему мнению, это не строчное латинское “t”, а латинское “c”. В этом случае запись “Slepen” следует читать как “Sceren”, с очевидной интерпретацией ее как сокращения фамилии «Сцепенский», записанной латинским шрифтом. Трудность в правильном прочтении этой буквы связана с тем, что у нее очень крупная верхняя петля, которая при этом пересекает основную вертикальную линию очень низко, а сама основная вертикаль («спинка» буквы «с») не выпуклая, как должно быть у «правильного» «с», а почти прямая. Мы отметили эту подробность потому, что с ней связано

---

¹¹ Библиотека М. В. Ломоносова... С. 112.

и первое недоумение: для знающего латынь выпускника Санкт-Петербургской семинарии и преподавателя риторики такой почерк и такие «неправильные» конфигурации латинских букв кажутся странными. Крупные широкие буквы с крупными элементами и неточными пропорциями. Такое впечатление, как будто бы оставивший эти инициалы не мог контролировать процесс письма: писал при плохом освещении или в темноте. Впрочем, при желании нечто похожее можно увидеть в стилистике почерков, которые в описаниях латинских рукописей середины — второй половины XVIII в. принято обозначать как «обычное письмо XVIII в.».

Так или иначе, но это — Сцепенский. Но тогда «Dari» в инициалах — не имя, потому что имя Сцепенского — Семен. Вот и вторая загадка. Может быть, это пассивный инфинитив от латинского глагола “do, dare” («давать»)? Действительно, правильная форма пассивного инфинитива как раз и будет “dari”, и, что немаловажно, смысл тогда вроде бы может быть понят: запись в этом случае будет как-то связана с процессом передачи/дарения. Мешают только эти «как-то» и «вроде бы». Трудно понять, зачем здесь именно пассивный инфинитив и с какой конкретной реальной ситуацией могла бы соотноситься фраза “dari Sce[renskij]”. Впечатление очень близкой и почти состоявшейся, но все-таки ускользнувшей разгадки не дает успокоиться и заставляет продолжить внимательный осмотр.

Осмотр же если и не приближает к разгадке, то все-таки приносит интересные результаты. На обороте свободной части заднего форзаца есть еще какие-то кажущиеся беспорядочными штрихи и росчерки, которые в «Библиотеке М. В. Ломоносова» описаны как «пробы пера»¹². Здесь мы также можем уточнить описание и сказать, что на самом деле перед нами запись, в данном случае — связный текст, написанный нетвердым почерком с уже знакомым стилем начертания букв: широких, с крупными петлями. Затрудняет прочтение то, что запись была сделана при альбомном положении страницы (левое боковое поле во время нанесения текста находилось внизу) и, кроме того, в процессе написания строка закручивалась в спираль против часовой стрелки. Все эти особенности в сочетании с полустершимися карандашными штрихами и плохо читаемым почерком действительно делали ее похожей на пробы пера, не образующие никакого осмысленного целого. Однако, как мы уже сказали, перед нами именно текст, связный и вполне осмысленный, написанный к тому же русскими буквами и по-русски. Читается он

¹² Библиотека М. В. Ломоносова... С. 112.

следующим образом: «Вообрази, здесь я одна, никто меня не понимает, рассудок...»¹³.

Полагаю, что даже самые строгие сторонники аутентичного воспроизведения текстов классической русской литературы не стали бы возражать против такого способа передачи этого небольшого текста — в подбор, одной строкой. Все-таки его источником для нас в данном случае является не издание «Евгения Онегина», а, как это ни странно, латинский трактат по риторике в кельнском издании 1626 г. И в этом риторическом трактате он написан в строку, которая закручивается спиралью против часовой стрелки. Что соответствует более для нас привычному расположению строк:

Вообрази: я здесь одна,
Никто меня не понимает,
Рассудок мой изнемогает,
И молча гибнуть я должна¹⁴.

То, что у Семена Сцепенского могли быть самые широкие литературные интересы и что он мог читать «Евгения Онегина», не вызывает у нас ни малейшего сомнения. Но вот то, что протоиерей Острогожского собора мог записать цитату из «Письма Татьяны» на форзаце “De eloquentia sacra et humana”, кажется маловероятным. На память даже приходит другая цитата и из другой «Риторики», иллюстрирующая «невозможные действия»: «Прежде агнцы волков ловить и зайцы львов терзать станут, нежели...»¹⁵.

Конечно, поскольку мы находимся в пространстве риторики и поскольку владелец книги имел за плечами многолетний опыт ее изучения и преподавания, то нельзя сбрасывать со счетов вероятность литературной игры — с серьезной и глубокой подоплекой. Например, можно предположить, что пушкинская цитата вовсе и не была призвана отражать душевное состояние пишущего, но была помещена на форзац как обращение от лица книги к читателю. И это являлось бы тогда классической просопопеей — риторической фигурой, которая состоит в олице-

---

¹³ При воспроизведении записи в настоящей статье мы внесли в нее пунктуационные знаки (две запятые), которые в тексте, написанном на форзаце, не просматриваются.

¹⁴ Пушкин А. С. Евгений Онегин: Роман в стихах // Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: в 16 т. Т. 6: Евгений Онегин. М.; Л., 1937. С. 67.

¹⁵ Ломоносов М. В. Краткое руководство к красноречию. С. 210.

творении и наделении неодушевленных предметов способностью думать и говорить как люди. И тогда можно было бы сделать еще одно предположение: что эта запись — эмоциональная реакция Сцепенского на начавшееся «падение» риторики, которое он, человек, заставший эпоху риторического расцвета, чувствовал и переживал особенно остро¹⁶.

Как-то само собой получилось, что мы оказались в кругу цитат, невольных риторических ассоциаций и вольных предположений (вызванных неспешно путешествующей по Европе книгой). Пора вспомнить о реальных людях, поэтому обратимся снова к истории Семена Сцепенского после его ухода из семинарии. Жизненные невзгоды не обошли его стороной. В 1815 г. Сцепенский, отказавшийся перейти на протоиерейское место в Новочеркасск, был уволен с должности протоиерея в Острогжске, на его место был назначен другой. Насколько можно судить по дошедшим до нас сведениям, это был не самый легкий для Сцепенского период жизни, и увольнение от должности не было справедливым. В 1818 г. у него снова появляется возможность стать протоиереем в Новочеркасском соборе, но «Сцепенский за лучшее счел остаться в Острогжске без места и терпеть житейские невзгоды, нежели отправляться в Новочеркасск»¹⁷. Терпение его, однако, было вознаграждено, и по прошествии еще семи (!) лет, в 1824 г., он по своему прошению, «подкрепленному коллективной просьбой прихожан», возвращает себе место протоиерея Острогжского собора. Часть резолюции преосвященного Епифания, епископа Воронежского, касается обстоятельств семейной жизни Сцепенского, и из нее мы узнаем, в частности, что место, которое он занимал до того времени (при Острогжской Рождество-Богородицкой церкви), решено было «оставить праздным до окончания нынешнего курса богословского учения с тем, если кто из достойных студентов или учеников оного согласен будет жениться на дочери просителя и поступить на оное, то тот на оное место произведен будет во священника». Иными словами, если бы кто-то из окончивших последний (богословский) курс семинарии женился на дочери Сцепенского, то место, которое он занимал до 1824 г., перешло бы его зятю. Однако, как написано далее в кратком биографическом очерке, «никто <...> из окончивших курс семинарии не женился на дочери

---

¹⁶ Критика риторики, завершившаяся тем, что риторика и как наука, и как учебная дисциплина «сошла со сцены», началась в 30-е годы XIX в., и наш герой мог наблюдать и ощущать ее первые предвестники (Аннушкин В. И. Русская риторика: исторический аспект. М., 2003. С. 312).

¹⁷ Указатель храмовых празднеств... С. 194.

прот. Сцепенского, так как под 1840 г. упоминаются оставшиеся после смерти Сцепенского сироты — дочери, девицы Анна и Ольга (последняя в 1845 г. вышла замуж за подполковника Торопова), и им, вследствие бедности, епархиальное начальство постановило выдавать по 25 рублей из Попечительства о бедных духовного звания¹⁸. Однако известно, что на момент принятия резолюции 1824 г. о назначении Сцепенского на протоиерейскую должность семейство его состояло из жены, Екатерины Петровой, сына Александра и трех дочерей. Две из них (Анна и Ольга) упоминаются под 1840 г. (см. выше), в 1824 г. им было 18 и 5 лет. Но была еще одна дочь, Дарья Сцепенская. В 1824 г. ей было 11 лет. Упоминаний о ней мы более нигде не найдем.

Анна, Ольга, Дарья...

Дарія Сцепенская...

Dari[a] Sce[penskaja].

Вот она — разгадка инициалов «Dari Sce», «Sce» и «DS».

Нетвердый, почти детский почерк, округлые волнистые буквы с завитками, строка, выходящая спиралью: «Вообрази, здесь я одна, никто меня не понимает». Все это так легко принять за неразборчивые пробы пера... Ничего особенного. Просто слова юной девушки из XIX в., след которой теряется в прошлом, но отзвук и ответ ее души сохранила и донесла до нас книга, совершившая для этого дальнейшее путешествие из Кельна 1626 г. в небольшой город Острогжск Воронежской губернии¹⁹.

¹⁸ Указатель храмовых празднеств... С. 195–196.

¹⁹ Завершая этот сюжет, сделаем еще два замечания. 1) Несмотря на то что запись сделана на русском, а указанные выше сокращения имени и инициалы (“Dari Sce” и др.) — латинским шрифтом, можно отметить сходство в начертании букв, совпадающих в русском и латинском алфавитах («е», «р», «с»). Самое же главное заключается в сходстве общей манеры почерка, уже описанной нами: нетвердая рука, округлость и широта букв, явное пристрастие к большим петлям и изогнутым волнистым линиям (в начертании латинских инициалов оно привело к смешению «с» и «l»), а буквы русской записи дают наглядное представление о том, что это произошло отнюдь не случайно). Одинаковым является и цвет карандашных линий. Таким образом, с большой долей уверенности можно утверждать, что пушкинские строки и латинские инициалы написаны одним лицом. 2) Наше определение возраста Дарьи Сцепенской в момент написания цитаты из «Письма Татьяны» как «юного» не является результатом использования каких-либо научных методик и основано прежде всего на соображениях общего (а отчасти и поэтического) порядка: душевно-созвучное восприятие строк Татьянинного письма и, возможно, отождествление себя с пушкинской героиней свойственны возрасту этой героини. Если же все-таки использовать расчет, то можно получить «нижнюю границу» возможного воз-

Как видим, изучение книжных записей и помет может быть весьма захватывающим и приводить к неожиданным находкам. Что касается ломоносовских маргиналий и специальных маркирующих знаков, которые он использовал для выделения текстовых фрагментов, то в целом их состав определен в работах исследователей его творчества. Среди них — разные виды крестов (одинарные, двойные, в круге), отчеркивания одной или несколькими линиями, скобки разных типов (круглые, квадратные, фигурные), нотабене²⁰. Необходимо при этом отметить, что не обязательно все перечисленные выше пометы должны непременно встречаться в ломоносовских книгах, имеющих читательскую маркировку. Например, в Октоихе 1746 г. отсутствует буквенное сокращение «NB», о котором И. М. Беляева справедливо пишет как об одной из частотных (и даже «любимых») ломоносовских помет²¹.

После того как корпус ломоносовских книг был определен и выявлены типичные пометы, следующим шагом могло бы стать соотнесение текстовых фрагментов, которые выделяются этими пометами, с текстом оригинальных сочинений самого Ломоносова. Такие сопоставления исследователями проводились, и в связи с этим хотелось бы особо отметить замечательное мемориальное издание Петровской копии Радзивилловской летописи, выполненное в Библиотеке Российской академии наук²². Результаты научного исследования, проведенного Е. А. Савельевой, убедительно показали и значимость этого материала, и возмож-

---

раста Дарьи Сцепенской в момент интересующего нас события: 14–15 лет (в 1824 г. ей было 11 лет, см.: Указатель храмовых празднеств... С. 195; первые издания третьей главы «Евгения Онегина» и «Письма Татьяны» относятся к 1827 г., см.: Примечания // Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: в 16 т. Т. 6: Евгений Онегин. М.; Л., 1937. С. 659). Однако, как представляется, это уточнение не дает ничего существенного. О цитировании фрагментов из «Евгения Онегина» в частных записях конца 1820-х — начала 1830-х годов см.: Михайлова Н. И. «Евгений Онегин» и альбомная культура первой трети XIX в. // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 1996. Т. 55. № 6. С. 20–21.

²⁰ Лебедева И. Н. Об истории личной библиотеки М. В. Ломоносова... С. 17–18.

²¹ Библиотека М. В. Ломоносова... С. 76; Беляева И. М. От ответственного редактора // Каталог книг личной библиотеки М. В. Ломоносова. СПб., 2011. С. 15.

²² Петровская копия Радзивилловской летописи как памятник редакторской и издательской деятельности середины XVIII века: научное исследование. СПб., 2011. Ломоносов участвовал в подготовке к изданию Радзивилловской летописи, и большое количество его собственноручных помет осталось на страницах использованного для этой работы списка.

ность его изучения в связи с историей текста того или иного сочинения.

Особое место, которое трактат Коссена занимает в творчестве Ломоносова, связано с тем, что он стал одним из основных источников «Краткого руководства к красноречию», первой печатной риторики, написанной на русском языке. Многие отрывки из сочинения французского риторика и проповедника Ломоносов приводит в своем тексте в качестве примеров, некоторые теоретические фрагменты также восходят к тексту латинского трактата. Этот факт, установленный еще А. С. Будиловичем и М. И. Сухомлиновым, а также большое количество помет на страницах экземпляра из собрания МАЭ РАН²³ делают его благодатным материалом для исследования. Открытия А. А. Костина и С. И. Николаева, сделанные совсем недавно, ознаменовали собой начало нового этапа в изучении источников «Краткого руководства к красноречию». Список основных риторик-источников пополнился трактатом Герхарда Иоганна Фосса (Воссия; G. I. Vossius) “Commentariorum rhetoricorum sive oratoriarum institutionum libri sex” (первое издание — 1606 г.), учебным руководством Михаила Радау (M. Radau) “Orator extemporaneus” (первое издание — 1650 г.), а также пособием Якоба Мазена (Jacob Masen) “Palaestra oratoria” (первое издание — 1659 г.)²⁴. Но и “De eloquentia sacra et humana” подтвердила свой статус одного из основных источников ломоносовской «Риторики». В Институте русской литературы (Пушкинском Доме) сейчас продолжают исследование «Краткого руководства к красноречию» (его творческой истории и источников) и работа по подготовке научного комментированного издания этого памятника. Изучение экземпляра «Риторики» Коссена, хранящегося в Музее М. В. Ломоносова, в рамках данной работы необходимо и, по нашим представлениям, способно не только уточнить уже известное,

---

²³ Будилович А. С. М. В. Ломоносов как натуралист и филолог. СПб., 1869. С. 104; Примечания // Сочинения М. В. Ломоносова с объяснительными примечаниями академика М. И. Сухомлинова. СПб., 1895. Т. III. С. 26. Как отмечает И. Н. Лебедева, «Риторика» Коссена вся испещрена пометами и записями: из ее 800 страниц 371 имеет ту или иную читательскую отметку или маргиналию (Лебедева И. Н. Об истории личной библиотеки М. В. Ломоносова... С. 16).

²⁴ Костин А. А., Николаев С. И. Неучтенный источник Риторики Ломоносова («Оратор без подготовки» М. Радау) // Чтения отдела русской литературы XVIII века. Вып. 7: М. В. Ломоносов и словесность его времени. Перевод и подражание в русской литературе XVIII века / Отв. ред. А. А. Костин, А. О. Демин. М.; СПб., 2013. С. 41–53; Костин А. А. Творческая история «Краткого руководства к красноречию» М. В. Ломоносова в свете компиляционных источников (новые материалы) // Slavica Revalensia. 2015. Vol. II. С. 9–34.

но и стать источником новых и существенных сведений для истории «Краткого руководства к красноречию» как памятника русской филологической мысли. К сожалению, по техническим причинам доступ к кельнскому изданию «Риторики» Коссена 1626 г. в Музее М. В. Ломоносова сейчас закрыт. Для данной статьи мы воспользовались выписками и наблюдениями, сделанными несколько лет назад, когда пытались обобщить мнения предшественников по проблеме источников «Риторики» Ломоносова и сформулировать свое понимание этой проблемы²⁵. С этим связан ограниченный объем приводимого нами сопоставительного материала по пометам.

Для того чтобы понять, могут ли пометы быть рабочим инструментом, необходимо на первоначальном этапе выделить относительно компактный материал, для части которого уже известны надежные соответствия. Такой материал мы находим в 11-й книге «Риторики» Коссена, которая называется “*Characteres epidictici*” и в которой собраны примеры разнообразных описаний, дескрипций (*лат. descriptio*; говоря об описаниях у Коссена и Ломоносова, мы будем пользоваться и латинским термином «дескрипция», и его русским эквивалентом «описание»). На страницах этой книги имеются пометы, а отличительной особенностью “*Characteres epidictici*” в плане содержания является то, что в этом разделе нет теоретического материала, только примеры описаний. Это делает сопоставление более простым и надежным, поскольку примеры, как правило, заимствуются из непосредственного источника без существенных изменений, за исключением небольших сокращений. Кроме того, для дескрипций 11-й книги Коссена, использованных Ломоносовым, мы находим соответствия в рамках одной главы «Краткого руководства к красноречию» (главы 5 «О расположении описаний» части III «О расположении»). Такая компактность в группировке материала и функциональное совпадение (демонстрация образцовых дескрипций-описаний), для которых он был использован в источнике (“*De eloquentia*”) и итоговом тексте-реципиенте («Краткое руководство к красноречию»), делают материал этих разделов латинского и русского трактатов удобным для начального этапа исследования.

Дефиниции основных теоретических понятий, которым посвящена глава «О расположении описаний», сформулированы в § 285 следующим образом: «Описанием называется слово или часть онога, где пред-

---

²⁵ Обобщенное изложение истории вопроса с новыми примерами см. в нашей статье 2012 г.: Лемешев К. Н. К вопросу об источниках «Риторики» М. В. Ломоносова // Русская литература. 2012. № 3. С. 107–122.

ставляется вещь или деяние. Представление деяний называется особливим именем — повествование»²⁶. Что касается примеров, то их значение в этом разделе риторического курса особо подчеркнуто в § 289: «Но хотя при всех риторических правилах примеры великое оным подают изъяснение, однако при описаниях больше всех оным помогают; для того весьма пременить невозможно, чтобы не присовокупить здесь довольно числа хороших примеров»²⁷. Действительно, в соответствии с содержанием самого теоретического понятия («описание») и тем значением, на которое указывается в § 289, тексты примеров-описаний в 5-й главе и разнообразны, и обширны, что облегчает их идентификацию и дает достаточно надежные основания для определения непосредственного источника.

Рассмотрим, как соотносятся с пометами в латинском тексте “*De eloquentia sacra et humana*” шесть описаний, для которых Сухомлинов в качестве непосредственного источника указывает трактат Коссена²⁸.

1) «Описание прекрасного места в Фессалии, которое Темпе называется, из Елиановых разных историй, кн. 3, гл. 1» (§ 290). У Коссена этому соответствует *Descriptio* 121. Объем переведенного отрывка точно совпадает с текстом, представленным у Коссена. Все пометы в рассматриваемых нами дескрипциях сделаны карандашом: отчеркивание по правому полю почти всего столбца. Начало отчеркивания находится на уровне заголовка *Descriptio* CXXI. Линия отчеркивания доходит до 4–5-й строки снизу. Окончание текста находится на следующей странице, однако на ней никаких помет нет.

2) «Описание храма святого Марка, что в Венеции, из Игнатия» (§ 292). У Коссена этому соответствует *Descriptio* 141. Объем переведенного отрывка точно совпадает с латинским текстом. Пометы: начало текста маркировано крестом, отчеркиваний нет.

3) «Описание великого корабля египетского, из Лукиана» (§ 293). У Коссена этому соответствует *Descriptio* 143. Объем переведенного отрывка точно совпадает с текстом, представленным у Коссена. Пометы:

---

²⁶ Ломоносов М. В. Краткое руководство к красноречию. С. 347.

²⁷ Там же. С. 348.

²⁸ Поскольку дескрипции Коссена и соответствующие им описания Ломоносова расположены достаточно компактно и в пределах одной главы (в «Риторике» Ломоносова) и одной книги (в «Риторике» Коссена), а также поскольку в разных изданиях этих трактатов нумерация параграфов и дескрипций, в отличие от нумерации страниц, сохраняется неизменной, то для экономии места и удобства пользования мы ограничимся указанием на параграф (в «Риторике» Ломоносова) и номер дескрипции (в «Риторике» Коссена).

крест в начале текста, подчеркиваний нет.

4) «Историческое описание великого трясения земли, бывшего в Никомидии, из Аммиана» (§ 298). У Коссена этому соответствует *Descriptio* 139. Объем переведенного отрывка точно совпадает с латинским текстом. Пометы: крест в начале текста, весь текст отчеркнут.

5) «Вымышленное повествование о ловле купидинов²⁹, из Филострата» (§ 299). У Коссена этому соответствует *Descriptio* 146. Это единственный случай сокращения в ломоносовском переводе: отсутствует последняя фраза латинского текста. Пометы: крест в начале текста, весь текст отчеркнут.

С нашей точки зрения, незначительное сокращение текста не может служить основанием для предположения, что в данном случае Ломоносов использовал другой непосредственный источник, не Коссена. Приведем этот небольшой текст целиком в переводе Ломоносова (из § 299 «Краткого руководства к красноречию»): «Чтобы сей заяц у нас не убежал, станем его ловить с купидинами. Смотри, он сидит еще под яблонью и ест упавшие яблоки, а иные, не доевши, оставляет. Смотри, как его купидины ловят: иные бьют в ладоши; иной кричит, иной полой машет; некоторые, с криком налетая, на него нападают; другие гонятся за ним следом; иной с великим стремлением на него бросается. Заяц в другую сторону повернулся, и один ухватил его за лапу, однако заяц из рук вырвался. И так все, засмеявшись, упали, иной ниц, иной набок, иной навзничь, и разными своими положениями разные свои прошибки показывали». Здесь у Ломоносова текст заканчивается, а у Коссена продолжается: “*nullus autem sagittas in eum mittit, sed vivum capere conantur Veneri suavissimam hostiam*” («однако никто в него <зайца> не пускает стрелы, но все стараются поймать живым — как приятнейшую жертву Венере»).

Если говорить о целесообразности последней фразы в составе отрывка, то ситуация здесь неоднозначная. С одной стороны, она является очень хорошим завершением фрагмента, кроме того, в ней сообщается о причине происходящей «бескровной охоты», что, конечно, немаловажно для целостного восприятия текста. С другой стороны, в ней не сообщается о новом действии, иными словами, она уже не является составной частью сюжетного повествования, изображающего сцену «ловли зайца». Строго говоря, для иллюстрации повествования в риторическом значении этого термина, то есть как одного из видов «расположения» (композиции), эта фраза вообще не нужна.

²⁹ Имеются в виду амуры (эроты, купидоны), божества любви.

Мы ни в коей мере не хотим сейчас оценивать и сравнивать удачность решения Коссена, включившего эту фразу из оригинального текста Филострата в свой отрывок³⁰, и Ломоносова, не отразившего ее в своем переводе. Мы хотим лишь подчеркнуть, что филологические основания были и для одного, и для другого решения. Дополнительное подтверждение тому, что сокращение здесь могло быть вполне осознанным и не являться следствием использования другого промежуточного источника или «нерачения», небрежности переводчика, мы находим в § 296 «Краткого руководства к красноречию», представляющем собой преамбулу к примерам повествований: «Для изъяснения кратких правил всего лучше служат примеры. Но понеже великие повествования здесь весьма невестны и совсем неприличны, для того сообщаем некоторые краткие или части из великих». Из этой формулировки следует, что Ломоносов видел назначение примеров в том, чтобы быть «необходимой и достаточной» иллюстрацией разбираемого теоретического понятия или положения. Исполненный отрывок эту функцию выполняет, отсутствие последней фразы текста не разрушает, поэтому она и не появилась в русском переводе.

б) § 300 «О борьбе купидинов, из того же автора <Филострата>». У Коссена этому соответствует Descriptio 154. Объем переведенного отрывка точно совпадает с текстом, представленным у Коссена. Это единственное из шести описаний, которое не сопровождается никакими пометами.

Подведем некоторые итоги. Как видим, из шести примеров в четырех случаях употреблен крест, в трех — отчеркивание, при этом дважды крест и отчеркивание используются совместно. Отметим, что крест маркирует отрывок целиком: ставится в начале и может употребляться в качестве единственной пометы.

Описание, которое никак не отмечено, — это Descriptio 154, переводом которого является текст «О борьбе купидинов» в § 300. С нашей точки зрения, даже это единичное исключение может быть объяснено исходя из назначения помет и места фрагмента в структуре обоих риторических трактатов.

Обратим внимание на то, что непосредственно перед ним в «Рито-

---

³⁰ Заметим, что у самого Филострата она является не столько завершением фрагмента, сколько переходом к следующему, в котором речь идет уже о зайце и, наконец, о самой Афродите. Так что и оригинал не дает оснований для однозначного ответа на вопрос о необходимости последней фразы в рамках только сцены охоты.

рике» Ломоносов использует другой отрывок из Филострата, заимствуя его также из трактата Коссена. Далее, первый пример из Филострата (Descriptio 146 «О ловле купидинов») является вообще последним описанием, имеющим графическую маркировку в тексте 11-й книги Коссена: все последующие страницы вплоть до начала 12-й книги не отмечены никакими пометами.

Соотнесем это с функциями, которые могут выполнять пометы в тексте. Принципиально таких функций две. Во-первых, помета может отмечать место, которое по каким-то причинам само по себе (глубиной мысли или красотой формы) привлекло внимание читателя. В этом случае помета действительно необходима (альтернативой может быть выписывание заинтересовавшего фрагмента). Но если речь идет о составительской, компиляционной работе и пометы используются при этом как рабочий редакторский инструмент (в частности, как средство поиска), а не как средство выражения реакции на прочитанное, то можно предположить, что роль помет могут выполнять и другие «опознавательные знаки». Если задача заключается только в том, чтобы быстро и безошибочно найти нужный текст, то не обязательно специально отмечать его, если найти легко. Очевидно, что из всех дескрипций Коссена, использованных Ломоносовым, легче всего в латинском трактате найти именно Descriptio 154: она находится в той части, где вообще больше нет маркированных отрывков, и чтобы отыскать ее, нужно лишь запомнить, что искомый текст — еще одно описание Филострата, которое идет после уже использованного. Роль пометы исполняет имя автора, которое известно из предшествующего, уже отмеченного и использованного в итоговом тексте фрагмента (иными словами, имя это, скорее всего, уже находится перед глазами автора). Таким образом, следующий «Филострат» Коссена автоматически становится следующим примером Ломоносова.

Итак, анализ отмеченных пометами «ломоносовских» (то есть использованных в «Риторике» Ломоносова) дескрипций в трактате Коссена показывает, что 1) для «ломоносовских» фрагментов характерно наличие креста, который ставится в начале фрагмента и маркирует его целиком. Применяется также и отчеркивание всего фрагмента; 2) пометы в данном корпусе примеров являются скорее отметкой для поиска нужного фрагмента, чем читательской реакцией на его содержание.

Повторим, что приведенные наблюдения следует считать лишь начальной точкой исследования «ломоносовских» помет в «Риторике» Коссена, однако для нас было важно показать существование принци-

пиальной возможности для таких наблюдений, которая обусловлена использованием латинского трактата как непосредственного источника для написания «Краткого руководства к красноречию» и сознательным употреблением помет для работы с текстом.

В начале статьи мы вспомнили слова И. Н. Лебедевой о том, что история ломоносовской библиотеки началась еще до ее обнаружения. Хотелось бы продолжить эту мысль и сказать, что история эта будет продолжаться как неотъемлемая часть нашей жизни, нашей культуры. Ни сам французский автор, ни кельнские книгоиздатели, подготовившие второе издание латинской «Риторики», не предполагали, что этот труд, пересекая границы государств и преодолевая языковые барьеры, попадет в руки русского студента, живущего в Марбурге, которому суждено будет заложить основы нового русского литературного языка; не предполагали, что тот, кто спустя почти век силой своего гения явит нам этот язык как законченное и гармоничное строение, напишет несколько стихотворных строк. И что эти строки, восходя к языковым и стилистическим открытиям середины XVIII в. и сливаясь с европейской культурной полифонией, сохранят для нас образы и голоса нашего прошлого, прикосновение к которым требует от нас не только исследовательского энтузиазма, но также человеческого внимания и такта.